

Ирина Петрова (Богданова)

11. Строки из стихотворения «Говоришь, что на нашем пути...» («В пути»).
12. Л.К.Чуковская «Записки об Анне Ахматовой» в 3 томах. М.: «Согласие», 1997.
13. А.Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. // «Новый мир», 1989, №3, С.101. (отд. изд. — М.: «Вагриус», 1999).
14. Стихотворение из книги «В пути», 1959.
15. Н.Глен. «Вокруг старых записей». В кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой», М.: СП, 1991, С.628. См. также «Летопись...», С.15.
16. «Стихи. Избранное», 1979.
17. В 1999 году, я с помощью сына издала за свой счет подборку севастопольских стихов Лидии Алексеевой «Солнцем позолоченное детство», (серия «Крым в зеркале российской словесности», выпуск 1, СПб., 1999). Разослала землякам своим, ныне известным в стране людям. Доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии, автор многочисленных научных трудов, большой знаток живописи и поэзии, Л.Б.Лихтерман написал мне, что отныне Алексеева, наряду с Ахматовой, — его любимый поэт, а Н.Н.Трофимов, народный артист СССР, вскоре по получении книжки позвонил и сказал, что был очень взволнован: «Всё вспомнилось, даже запахи...».

* * *

Ирина Ильинична Петрова — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг «По Крыму - Пушкину вослед» (1996), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе - наследство» (2001), «О, Таврическая ночь!» (2002), а также очерков и рассказов. Автор ряда публикации в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя». Автор книги о горных путешествиях «Петровские тропы» (2002).

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.

ДВА ПОЭТА ИЗ РОДА ГОРЕНКО

Санкт-Петербург
2002

Ирина Петрова (Богданова).

Два поэта из рода Горенко - СПб., 2002. - 16 с.

Этюд-размышление о сходстве судеб и душ двух поэтов: Анны Андреевны Ахматовой и Лидии Алексеевны Алексеевой, чье детство тесно сплетено с понятием «Севастополь», куда они мысленно возвращались всю жизнь.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Другие произведения И.И.Петровой размещены и постоянно обновляются по адресу:
<http://ii.petrova.narod.ru/>
Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:
vnptr@mail.ru или ii.petrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2002

Примечания

1. «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой», ч. 1, 1889-1917, М., 1996, С.13.
2. М.И.Будыко. Рассказы Ахматовой. / В кн. «Об Анне Ахматовой», Л., 1990, С.461. «В записных книжках Анны Андреевны есть такая запись: «Папина двоюродная сестра... была гречанка и водила меня в греческую церковь в Севастополе (на Слободке)» (С.298). (Греческая слободка находилась на склоне Артиллерийской балки в районе современного рынка). Эту запись приводит А.Марченко в очерке «С ней уходил я в море...» («Новый мир», 1998, №8,).
3. Стихотворение «Кто из предков во мне проявляется больше?..», из которого взяты эти две строки, имеет такое заключение:
*Но всех слаще мне имя твое, Россия, -
Все мои чужеземцы — у ног твоих!* («В пути»)
4. «Лесное солнце (1954), «В пути» (1959, второе издание 1962), «Прозрачный след» (1964), «Время разлук», (1971), «Стихи. Избранное» (1979).
5. «Вернуться в Россию — стихами», антология. Сост. В.Крейд. М., 1995.
6. Именно так называли севастьяпольцы кусок разрезанного вдоль сочного арбуза!
7. Судя по стихам, Лида Девель уже лет десяти бесстрашно плавала и ныряла в морских волнах. Это качество также роднит её с Анной Горенко (Ахматовой). Может, это — наследство бабушки «с островов»?
8. Так в первой публикации (журнал «Гиперборей», 1913, №5) называлось стихотворение «Вижу выцветший флаг над таможей...».
9. Поэма А.Ахматовой «У самого моря» была впервые напечатана в 1914 году.
10. Впервые на родство душ двух поэтов, не зная, судя по всему, об их возможном родстве, указал на страницах «Крымского альбома 1996» (Феодосия-Москва: Издательский дом «Коктебель», 1996) Михаил Лезинский в работе «Прощальные гудки над Графской пристанью».

Лидия Алексеевна не стала и не желала стать американкой по сути своей. Сознание, что она «не нужна» России, что ее к ней нежность «бесполезная», мучили поэта; «звущий прибой» родных берегов стучал в ее сердце. Ее старшая великая «сестра», особенно остро осознала эту гнетущую тяжесть, сопровождающую жизнь не по своей воле заброшенного на чужбину соотечественника, когда была во время войны вывезена в Ташкент (где, впрочем, было много друзей и где к ней относились с вниманием) и откликнулась на это сочувствующими строками:

*Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.*

Детство для обоих поэтов всегда оставалось родником, водами которого они омывали душу свою, чтобы сохранить ее чистоту, чтобы помнить, как писала Л.Алексеева, что «Жизнь не только боль, не только ложь и стыд, / Она и этот день благословенный синий» (а вы помните свои «рыжики во мху и капли в паутине»?). Судьбе было угодно, чтобы для Л.Алексеевой черноморские бухты в окрестностях Севастополя всю жизнь, как и для А.Ахматовой, оставались «главным местом на земле»¹⁵. Зная, что никогда не вернется, она жила с надеждой, что ее «в бутылке запечатанное слово... у берега родного... пристанет, и ее найдут»¹⁶. Что ж, пусть еще робко, в малом числе экземпляров, ее книжечки-«бутылки» добрались до родных берегов, и мы, на исходе прошлого века узнали, что род Горенко дал миру не одного поэта¹⁷. А если так, - ее заветное желание исполнилось, она вернулась и еще раз доказала: нет ничего невозможного, надо только сильно желать, ждать и не терять Надежды.

*Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца...*
А. Ахматова

Солнцем позолоченное детство...
Л. Алексеева

Конечно, дорогой мой читатель и незримый собеседник, Вы знаете эти начальные строки ранней поэмы Анны Ахматовой «У самого моря»:

*Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли, на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье...*

И все же напомним, что и «бухты», и «камень», и «счастье» - это всё Севастополь, где Анне Горенко довелось провести несколько сезонов в детстве, в которой она возвращалась, и который один ассоциировался у нее с понятиями: её море, её юг. А море, как и всё в этом городе, - особое, удивительное по разнообразию цвета и характера побережья. В бухтах, непосредственно примыкавших к городу и ближайшим дачным поселкам, где и селилось семейство Горенко, под ногами хрустел песок, перемешанный с ракушками, берег уходил вдаль полого, маняще и нестрашно даже для детского сердца и в ветряную погоду. Но тут же можно было пройти «...вдоль бухты к мысу / К черным, разломанным, острым скалам, / Пенной покрытым в часы прибою» и смотреть, как волна мотает бурые космы водорослей, этих грив на темени бугристо торчащих известняков, где обычно пустынно и так привольно петь «новую песню». А можно, оставив справа виднеющийся вдали белый

сорокаметровый маяк, выйти к простирающимся на многие километры между мысами Херсонес и Фиолент отвесам западного побережья: то красным, то белым, идущим то ровной стеной, то образующим бухты и бухточки, где в каждой свой затерянный мир. Девочка любила эти места и мечтала: *«Когда я стану Царицей, / Выстрою шесть броненосцев, / Чтоб бухты мои охраняли / До самого Фиолента»*. И на всем пространстве - степь, то ровная, то холмистая, которая так *«трогательна зелена»* в раннюю весну или погожую осень, которая может вдруг стать *«красной от маков»* в начале мая и которая такая пахучая и серебристо-серая от полыни и ковыля жарким летом. Особый замкнутый мир представляли (да и сейчас, отчасти) — продолжения бухт — балочки (не то широкие овраги, не то невысокие ущелья). Здесь тоже степь, но можно встретить и «оазис» с виноградником и садом, темные прохладные пещеры старых каменоломен, свежую влагу ключа. Всё это — мир Анны Горенко, тогда еще не ставшей, ни Гумилевой, ни Ахматовой.

Помните ее стихотворение, написанное в Севастополе в конце 1916-го: *«По неделе ни слова ни с кем не скажу / Все на камне у моря сижу...»* и названные там *«четыре приметы страны»*, ее Страны, и ее желание?

Море, круглая бухта, высокий маяк,

А всего непременно полынь...

И как жизнь началась, пусть и кончится так.

В отрочестве именно здесь к ней пришла смуглорукая Муза, с которой *«вместе мы купались в теплом море... / Слова, как звезды падали»* и рождалась *«песня, лучше которой нет на свете»*. Пройдет много лет, и в страшном для нее сороковом, одновременно с «Реквиемом» она пишет «Путем вся земля», поэму о жизни своей столь краткую, что каждое слово в ней — на вес брильянта, и в ней опять подтвердит: *«И вот уже Крыма / Темнеет гряда... / Здесь встретилась с Музой...»*.

Во всяком случае родство душ их несомненно, как и близость некоторых черт судьбы¹⁰. Мы знаем, как трудно в бытовом плане прошла жизнь Анны Андреевны, хотя она никогда на то не сетовала, особенно в стихах. У Алексеевой иногда прорывается горечь неприютности: *«Вся жизнь прошла как на вокзале...»* Материальный достаток и в богатой Америке тоже, видимо, обошел ее стороной, хотя она много лет работала в славянском отделе Публичной библиотеки. Но даже соглашаясь со своим собеседником, что *«мы нищи»*, что *«нам чужие задворки уют»* а *«дороги домой не найти»*¹¹, она сохраняет чувство гордого достоинства и оптимизма — черты, которыми, как известно, в огромной мере была наделена Анна Ахматова (не бабушка ли гречанка наградила обеих Горенко этим даром?).

Анна Андреевна, хотя и жила в своей стране, а *«не под чуждым небосводом»*, уже с тридцатых годов лишилась возможности бывать в Севастополе. И причин тут было несколько: ее нездоровье, материальная необеспеченность, тяжелые воспоминания: (она была уверена, что там погиб во время революции ее младший брат Виктор: «На Малаховом кургане офицера расстреляли»), закрытость города — главной военно-морской базы Черноморского флота, а главное, арест сына, Льва Гумилева, и необходимость простаивать долгие часы под стенами «Крестов». Но море у берегов Севастополя, у стен древнего Херсонеса, как писала Л. Чуковская, было всегда с ней¹².

Поразительно, но даже в способе творчества проглядывает родство душ этих женщин. *«Все свои стихи я записала на подоконнике или краешке чего-то»*, - записал со слов Анны Андреевны А. Найман¹³. А вот строки Л. Алексеевой:

Я стихи не пишу за столом.

У меня просто нету стола...¹⁴

Встречались ли Анна Ахматова и Лидия Алексеева в жизни? На этот счет нет свидетельств, но такая встреча в Севастополе представляется вполне возможной. В очередной раз Анна Андреевна приехала в Севастополь летом 1916 года. Еще весной 1915 года у нее обострилась легочная болезнь, и врачи советовали тогда же ехать в Крым, но ряд жизненных обстоятельств не позволили сделать это. Одной из причин пребывания Анны Андреевны летом 1915 года в Петербурге была болезнь и смерть 25 августа отца — Андрея Антоновича. Приехав в Севастополь в следующем году, она должна была навестить его родных (а что какое-то родство было — очень вероятно). Вот тогда и могла увидеть Анна Андреевна семилетнюю Лидочку, может даже подарила ей книги своих стихов «Вечер» и «Четки», где были напечатаны «Рыбак» и «Возвращение»⁸, а также такое севастопольское творение как поэму «У самого моря», в которых воплощено ее «самое сильное впечатление»⁹ детских лет. Можно представить как научившаяся читать (и уже начинавшая слышать свою «песню») Лидочка повторяла строки «тети» Ани, которая была старше ее ровно на двадцать лет:

*Даже девочка, что ходит
В город продавать хамсу
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу («Рыбак»)*

Или:

*Вижу выцветший флаг над таможней,
И над городом желтую муть.
Что же сердце мое осторожней
Замирает и больно вздохнуть?
Стать бы снова приморской девчонкой...
Тупфи на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.*

А вот еще строки:

*Степной бугор над бухтой синей
И высоты просторный свет,
И запах моря и полыни,
И мне, должно быть, восемь лет.*

*Здесь солнце крепче, ветер чище
И песня тайная слышней:
Сейчас она меня отыщет,
И больше не расстанусь с ней.*

И еще:

*Чуть стихами — магической палочкой —
Трону в памяти спящую быль, -
Рыбный ветер над солнечной балочкой
Пронесет беловатую пыль.*

*И тугим, сухоногим кузнечиком
Зазвенит по обрыву трава,
И за детским коричневым плечиком
Будет влажно мерцать синева...*

*Было, есть — для души одинаково —
Даже, может быть, сердцу слышней
Хруст и шорох раздавленных раковин
Под ребячьей сандаплей моей.*

Не правда ли: те же чувства и лишь немного моложе «героиня»? Но, однако, это стихи другого поэта, в другой стране писанные, но о том же - о Севастопольских берегах и «солнцем позолоченном детстве», счастливо там проведенном и определившим жизненную стезю... А имя этого поэта - Лидия Алексеева. Родилась она в марте 1909 года в Двинске.

Однако вскоре семья переехала в Севастополь, который и стал ее малой родиной и самым дорогим на всю жизнь местом на земле. Ее отцом был Алексей Викторович Девель, представитель давно обрусевшего французского рода, морской офицер. Мать - Клавдия Владимировна, - урожденная Горенко. Мне не удалось достоверно установить степень ее родства к деду Анны Ахматовой Антону Андреевичу Горенко, участнику Оборона Севастополя 1854–1855 годов, вышедшего в отставку в чине полковника, жившего в Севастополе в самом центре города на улице Екатерининской и похороненном в 1891 году на городском кладбище¹. Анна Андреевна Ахматова не раз вспоминала жену его, свою бабушку, которая была гречанкой «с островов». Вот запись М.И.Будыко: «Греческие предки. А.А., по ее мнению, были морскими разбойниками. От них она слышала, что одна из женщин, муж которой умер в море, сама довела корабль.»². Видимо, от бабушки-гречанки Анна Андреевна унаследовала не только величественный профиль, но и гордый нрав и особые связи с морской стихией (она прекрасно и неутомимо плавала, в то время как тогдашние барышни только окунались в купальнях). Но вот что интересно: Лидия Алексеева также ощущала в себе греческое, о нем она говорит в одном из стихов, перебирая свою родословную:

*Где-то хитрая дремлет во мне Византия,
Синью греческих волн отзывается стих...³*

Не об одной и той же бабушке «с островов» вспоминали оба поэта?..

Лиде было одиннадцать лет, когда в роковом ноябре 1920 года семья Девель вместе с врангелевской армией и многими тысячами граждан России отплыла из Севастополя к другим берегам («отплыла пристань», по ее выражению). Но память сохранила удивительно много: сам город «белый в синеве», запах «пыли и полыни» в прибрежной степи, вплотную

*И — в воду с головой! Блаженный миг —
Зеленый мир, на лунный мир похожий.⁷*

*На берегу уже горяч песок,
Усталость мягкая в прохладном теле...
На красный расплясавшийся буюк
Две чайки ярко-белые слетели.*

*А здесь, у ног — вот розовым кружком
Тылок арбузный в деревянном соре,
Вот бурых ленточек огромный ком
Пригнало и расчесывает море...*

*И навсегда желтеющий картон
С безбровою девчонкой сохранили
Далеких склянок чистый перезвон
И влажный запах свежести и гнили.*

III

*Люблю, как ящерица, камень,
Открытый морю и ветрам,
Недвижный горизонт с дымками,
Сегодня тот же, что вчера.*

*Хруст раковин в песке лучистом,
И рыб у солнечного дна,
Смолисто пахнущую пристань
И пятна нефти на волнах,*

*И пароход звонкоголосый,
Что режа масляный атлас,
Швырнет на сушу толстым тросом
Охрипший океанский бас.*

(«Прозрачный след»)

Признаюсь, я намеревалась представить его в отрывках, но не нашла строк, какие можно было бы сократить.

Остротой воспоминаний полон ее триптих «Севастополь»:

I

*Мне только память о тебе — наследство,
Мой дальний город, белый в синеве,
Где и сейчас трещит кузнечик детства
В твоей до камня выжженной траве.*

*Пыль по шоссе лежит как россыпь мела,
Босой ноге так бархатно жарка...
И вот навстречу море зашумело
И дегтем понесло издалека...*

*На берег мой ракушечный сошла бы,
Где створки раскрываются в тепле,
Где мокрые оливковые крабы
Топырятся на солнечной скале, -*

*А под скалой лежит еще, быть может,
Мое колечко — много тысяч дней:
Я обручилась им, совсем как дожи,
Российской Адриатике моей.*

II

*Табачно выцветающий картон —
Девчурка у воды с арбузной «скибкой»⁶.
Съедает время каменистый склон
И блески на воде, густой и зыбкой.*

*Но я-то помню, время, погоди —
Полынный ветер, солнце на лопатках,
Холодоватый крестик на груди,
Волну, идущую вспененно, шатко —*

*И легкий взрыв, и тонкий детский крик,
И капельки на смуглой детской коже,*

подходящей к синеве бухт и окраинным слободкам, окрестные горы, где весной цветут ландыши, а летом на выжженном склоне вдруг синим глазком глянет на тебя колокольчик, или игры в дедушкином саду. «Веселое слово — дома» (Ахматова) для нее всю жизнь было связано с Севастополем; об этом красноречиво говорят строки ее стихов, вышедшие пятью сборниками в 1954-1979 годах⁴ (одно из них - о дедушкином садике, «Где было всё, что нужно / Простому людскому счастью», так и называется - «Дома»). И конечно же в них — море во всех его проявлениях: запахах, звуках, красках:

*Прозрачно море с пристани до дна —
И в солнечном, солено-свежем утре
Смотрю, как осторожная волна
Расчесывает водорослей кудри;*

*Как их упругий изумрудный сад,
Вздывается и опадает живо,
И пузырьки серебряно скользят
И дно мерцает золотым отливом.*

*Ложусь на доски теплые ничком
И руку в море опускаю быстро —
И вот он, в пальцах, мертвый бурый ком,
И это всё. И пахнет солью пристань.*

(«В пути»)

Удивительно верно (сужу по своим впечатлениям севастопольской девочки) передано у поэта детское восприятие мира, когда все вокруг таинственное и непознанное, подчас страшное, но неудержимо влекущее, когда и замирание сердца так пленительно. Вот известняковая глыба, постоянно морем омываемая, в ее щелях прячутся кусачие крабы, острые створки мидий, ускользящие рыбешки:

*То сверкнет, то затонет
Черным боком скала —
Плеск прозрачных ладоней
О неё без числа.*

*Приливают упруго,
Отступают журча —
Три столетья — и угол
Стал круглее плеча.*

*Семь столетий — и выем,
Крабу влажный навес:
Им не к спеху, стихиям,
Им не надо чудес.*

(«В пути»)

А вот простой известняковый камень, лежащий среди сухой серо-желтой травы. Простой-то простой, но под ним могут прятаться змея или сколопендры, те, которые весной «грелись на камнях» (Ахматова). И надо познать этот подкаменный мир! Оказывается, там - «личинки да корешки», да недовольные, что их потревожили, «заспавшиеся жуки», но сознание все равно не желает отказываться от «змеи»...

Одним из самых сильных давних впечатлений (и моих друзей детства тоже) — цветущая акация и пускание мыльных пузырей у открытого окна или у перил балкона. И это тоже есть у Алексеевой:

*Цветет акация тепло, обильно;
Балкон в сору, в медовых лепестках.
А на перилах — блюдце пены мыльной
И, как свирель, соломинка в руках.*

*И он растет из моего дыханья —
Прозрачный, радужный, и заключен
В нем круглый мир и ветра колыханье
Мое лицо, акация, балкон...*

(«Время разлук»)

После отъезда из России Лидия Девель почти четверть века провела в славянской Европе. В Белграде окончила университет, выйдя замуж, стала Иванниковой, приобрела литературное имя. В 1945-м пришлось перебраться в Австрию, спасаясь от репрессий советских «органов», идущих по пятам наших солдат, освободителей Европы от фашизма. После четырех лет жизни в лагере для перемещенных лиц — переезд за океан. В Нью-Йорке, где она стала Алексеевой, прошло еще сорок лет жизни и работы. Здесь она, пережив своих близких, скончалась 27 октября 1989 года и похоронена на православном кладбище Новое Дивеево. Несмотря на «молодость трудную» (Ахматова), Лидия Алексеева всегда изыскивала возможность общения с природой, находя в ней что-то личное, сокровенное. Как пишет В.Крейд в составленной им антологии зарубежных русских поэтов⁵, «Алексеева вошла в русскую поэзию как мастер тонкой пейзажной миниатюры, в которой в созерцательной манере выражены элегические переживания 'вневременного характера'»:

*Люблю гулять с пустыми руками —
Раздвинуть ивы свежие пряди,
И сев на прибрежный солнечный камень,
Озерную зыбь, как собаку, гладить...*

Но горечь и боль разлуки с Родиной никогда ее не оставляла:

*По песчинке стачивалась боль,
Размывалась медленными днями,
Притуплялась, - так морская соль
И вода шлифуют жесткий камень.*

*И теперь он гладок, словно плод,
Округленный, не остроугольный, -
В нем лишь тяжесть, что еще гнетет,
Но не может оцарапать больно.*

(«Прозрачный след»)